Аграрные догмы и фантазии

(По поводу взглядов А.А. Мануйлова и Л.Н. Литошенко на природу крестьянского хозяйства)

А.В. Чаянов

Публикуется статья классика российской аграрно-экономической мысли, лидера организационно-производственной школы 1920-х годов Александра Васильевича Чаянова (1888–1937), написанная в 1923 году в ответ на книгу Льва Николаевича Литошенко, в которой с позиций экономического либерализма критиковалась теория крестьянского хозяйства организационно-производственной школы.
В статье даны разъяснения по ряду спорных моментов аграрно-экономической теории Чаянова и ее интерпретаций. Статья ранее не публиковалась, подлинник документа хранится в Российском государственном архиве экономики. Публикация имеет цель ввести недавно выявленный в архиве текст в научный оборот, чтобы стимулировать дальнейшие исследования по теории и истории организационно-производственной школы и истории российской экономической мысли в целом.
Публикация подготовлена, примечания составлены И.А. Кузнецовым и Т.А. Савиновой.

Ключевые слова: история экономической мысли, организационно-производственное направление, крестьяноведение, А.В. Чаянов, Л.Н. Литошенко, А.А. Мануйлов

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-13-26

Бывает критика, которая очень много дает исследователю, заставляет его в корне пересмотреть уже сделанное, вносит новые положения и дает стимул к новой творческой работе.

К сожалению, недавно опубликованную работу Л.Н. Литошенко «Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства» (Москва, 1923 г.) к этому разряду причислить при всем желании невозможно.

Нового, творческого в решение проблемы она ничего не вносит, даже не пытается формулировать положительных выводов автора, а в большей своей части представляет собой ожесточенные нападки на положения, которые уже давно оставлены самими критикуемыми авторами, или же вовсе ими никогда не выдвигались.

До сих пор в отношении критики этого рода у меня не появлялась потребность серьезно с ней считаться и отвечать, и ее перлы обычно использовались мною по преимуществу в педагогических целях и включались в списки объектов для разбора в зачетных сочинениях студентов. Некоторые из этих зачетных работ, если мне не изменяет память, попали даже в свое время в печать.

И если работа Льва Николаевича заставляет меня взяться за перо, то главным образом по двум причинам:

1) При моей многолетней личной дружбе с критиком мое молчание могло бы показаться невежливым.

2) За спиной Льва Николаевича ясно вырисовываются очертания весьма крупного общественно-политического течения, и ответа требуют собственно не столько научные выводы, сколько общественно-политические сентенции, содержащиеся в брошюре.

Свою статью я постараюсь сделать как можно более краткой, ибо ответом на всякую критику теории трудового хозяйства является вышедшая недавно в Берлине моя большая работа, являющаяся, в сущности говоря, первой систематической сводкой нашего учения[1].

Прежде всего постараемся уяснить себе, из чего состоит брошюра Л.Н. Литошенко и как она сделана.

Описав вкратце историю «господствующей» в русской литературе организационно-производственной школы (да простит господь бог на страшном суде Николая Макарова за это неуклюжее наименование), наш критик ругает нас одновременно и марксистами и народниками, обвиняет в очень плохом знании теоретической экономии и, попугав грядущей статьей проф[ессора] Мануйлова об аграрных догмах и фантазиях[2], переходит к изложению самого учения.

Это изложение наш критик ведет, с одной стороны, путем приведения на выборку цитат из Челинцева, Макарова и Чаянова (Бруцкус почему-то, очевидно, за хорошее поведение помилован[3]), относящихся к различным фазам развития теории и часто выхваченных из популярных брошюр, а с другой стороны, путем несколько неосторожного опубликования части рукописи проф[ес-

1. *Tschajanow A.* (1923). Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft: Versuch einer Theorie der Familienwirtschaft im Landbau / Unter Mitwirkung des Verfassers aus dem Russischen übersetzt von Friedrich Schlömer; Mit einem Vorwort von Dr. Otto Auhagen. Berlin: Parey.
2. Л.Н. Литошенко ссылался на рукопись статьи А.А. Мануйлова «Аграрные догмы и фантазии», обнаружить которую нам не удалось. С критикой трудопотребительского подхода к изучению крестьянского хозяйства и чаяновской теории кооперации в середине 1920-х годов выступал Александр Александрович Мануйлов (1888–1956), сын известного экономиста: *Мануйлов А.А.* (1925). К теории сельскохозяйственной эволюции. М.: Новая деревня (с. 50–63, 85–87, 108–110; там же положительно оценивается брошюра Литошенко: с. 83–84). Вероятно, он же (а не Мануйлов-старший, как можно подумать, читая Чаянова) был и автором упоминаемой здесь рукописи.
3. Б.Д. Бруцкуса обычно причисляли к сторонникам организационно-производственного направления в аграрной теории, однако с 1920 года он выступал с критикой социализма, как экономической системы, и результатов аграрной революции, и в этих вопросах его позиции полностью совпадали с точкой зрения Л.Н. Литошенко.

сора] А.А. Мануйлова, являющегося, вообще говоря, как это можно понять из брошюры, главным вдохновителем критики и совершенно неправильно понимающего в своих пяти тезисах то, что он берется изложить.

Несмотря на такой способ изложения и вопреки неизвестно на чем основанному убеждению своего вдохновителя, что основой нашей теории является независимость трудового хозяйства от рыночных цен и уровней заработных плат (надо же выдумать), Лев Николаевич доказывает все же, что для него не прошли даром многие годы совместной работы с объектами его критики, и совершенно правильно заключает: «Осью, вокруг которой вращается неонародническая система, мы признаем гипотезу трудового потребительского баланса»[4].

Далее, потратив четыре страницы на изобличение не существующих противоречий, Лев Николаевич вскрывает нашу подоплеку и находит, что, если мы и не совсем социалисты, то, во всяком случае, сильно скомпрометированы участием в революционных учреждениях.

Далее идет критика сначала наших теоретических, а затем и статистических выводов.

Привыкши с глубоким уважением в стенах Высшего семинара с[ельско]х[озяйственной] экономики и политики относиться к силе теоретического мышления Льва Николаевича, я более пяти раз перечел в недоумении теоретическую часть критики, но так и не понял, в чем дело. То ли в стоящей за Литошенковской критикой рукописи «Аграрные догмы и фантазии» такая же пустота теоретического содержания, то ли автор этой рукописи считает преждевременным обнаружить все свои теоретические аргументы.

Все содержание главы сводится к тому, что «неонародники» путают «домоводство» с «приобретательством», и что теория трудового потребительского баланса применима к натуральному хозяйству, крестьянское же хозяйство России носит товарный характер. Причем нигде ни одного аргумента не приводится для того, чтобы доказать, что теория вышеупомянутого баланса не применима к чисто товарному хозяйству.

В критике статистических выводов Лев Николаевич победоносно опровергает мои работы 1911 г. моими же работами 1915 г. и бьет против положений, которые приводит в своих собственных формулировках, совершенно не поддерживаемых критикуемыми им авторами.

Несмотря на это, на этой части критики нам придется остановиться более подробно для окончательного устранения ряда критических «фантазий», начинающих становиться объективно вредными.

---

4. *Литошенко Л.Н.* (1923). Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. М. С. 12.

Разрушив до основания всю систему «неонародничества», Лев Николаевич приходит к изложению своих взглядов и неожиданно... *принимает нашу точку зрения*[5].

Он доказывает, что в крестьянине живет две души — одна, к сожалению, потребительская, другая же — приобретательская.

Потребительская душа очень плоха, безнадежна и ведет Россию к несомненной гибели, что с несомненностью подтверждается не только ссылками на автора «Аграрных догм и утопий», но и на самого Мальтуса. В этот же миг критика превращается в пламенный политический памфлет, трактующий о том, что хотя на Руси и существует крестьянское хозяйство, покорное теориям Челинцева, но что сие из рук вон плохо и подлежит коренной переделке. К черту высокую плотность населения. К черту аграрное перенаселение. Да здравствует, во славу Мальтуса, редкое крепкое хозяйство, имеющее приобретательскую душу и исполинскую покупательную способность для капиталистической промышленности.

Организационно-производственная школа повержена и на ее обломках поставлена Цвейкиндерсистем-школа[6].

Таково содержание брошюры. Центр ее — в намеченных общественно-политических линиях экономической политики, все остальное, в сущности, ни при чем и мало серьезно, и могло бы быть без потери опущено. Однако нам надлежит внимательно остановиться и на первой части, ибо она может внести достаточный сумбур.

Оставляя в стороне всякие риторические орнаменты и уязвления[7]*, мы считаем необходимым остановиться на следующих критических положениях Л.Н. Литошенко, в которых он подвергает нас жесточайшей критике:

1) Наши теории построены, исходя из натурального типа организации сельского хозяйства, в действительности же крестьянское хозяйство давно носит товарный характер.

2) «Неонародники» считают, что весь строй крестьянского хозяйства определяется годовыми потребностями семьи, кои стоят на неподвижном бытовом уровне, в то время как на самом деле уровни благосостояния крестьянских семей весьма эластичны.

---

5. В подлиннике выделение дано разрядкой.
6. Цвейкиндерсистем — теория о достаточности для гармоничной семьи иметь двоих детей; термин, заимствованный из немецкого языка, имел хождение в советской литературе 1920-х годов.
7. *Одну только мелочь я считаю необходимым пояснить. Лев Николаевич, усматривая у меня все-таки некоторые проблемы теоретического понимания методологического индивидуализма, сожалеет, что мне не удается до конца выдержать эту точку зрения и обвиняет меня, что я в учении об организации кооперативного аппарата перехожу к органической точке зрения. Вся беда тут в том, что идеологи городской индустрии никак не могут мыслить себе крестьянскую кооперацию иначе, как в формах кооперативов первой степени и никак не могут постичь, что... [Сноска обрывается]

3) Чаянов утверждает, что продукция работника увеличивается только под давлением увеличения отношения числа едоков к числу работников, а это на самом деле совсем не так.

4) «Неонародники» считают, что по мере увеличения размеров семьи растет и объем хозяйства, на самом же деле семья растет в зависимости от материальной возможности ее содержать.

5) Челинцев и братия утверждают, что крестьянское хозяйство «получает только заработную плату и никаких излишков не имеет», в то время как хорошее приобретательское крестьянское хозяйство получает и ренту, и процент на капитал, и предпринимательскую прибыль и даже режет купоны выигрышных займов.

Разобравшись в этих, так сказать, прямых уликах наших против истины, мы с особенным вниманием остановимся на положениях проф[ессора] А.А. Мануйлова, который, по словам Литошенко, «отбрасывая цветы красноречия фанатиков крестьянского хозяйства и освободившись от гипноза привычной фразеологии, хорошо передает сущность нашей теории» в своих отныне исторических в истории вопроса пяти пунктах и окончим наш разбор установлением нашей точки зрения на желательные линии в направлении экономической политики в отношении крестьянского хозяйства.

В указанном порядке мы и будем отвечать.

1) С самых первых своих работ по вопросам крестьянского хозяйства мы мыслили его себе не в натуральных, а исключительно только в товарных формах. Так, например, еще в первой части «Очерков по теории трудового хозяйства» 1912 года на первой странице черным по белому напечатано: «Объектом нашего анализа предполагаются хозяйства, вступившие в денежно-товарные отношения. Таким образом, продукты, изготовляемые нашими хозяйствами, потеряли качественно-потребительскую окраску и носят уравновешивающий абстрактный характер ценности»[8].

Нужно иметь, кроме знания теоретической экономии и ее методов, весьма небольшое умение владеть этими последними для того, чтобы понять, что сама теория единого трудопотребительского баланса в том виде, как она излагается нами, вообще говоря, возможна только при товарном хозяйстве, когда тягостность добычи предельного рубля годовой выработки, в какой бы качественной форме он ни был получен, сопоставляется с той предельной полезностью его, которую он получает, будучи направляем на удовлетворение предельно удовлетворяемой потребности. Причем предельный рубль может быть заработан в виде хотя бы кулитки льна[9], а потрачен в форме приобретения брошюр Льва Николаевича.

В отношении же к натуральному хозяйству теория баланса дол-

8. Эта фраза была дана в примечании на первой странице указанной работы, см.: *Чаянов А.В.* (1989). Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика. С. 70 (сноска).

9. Кулитка — связка льноволокна весом 3–4 кг.

жна быть значительно изменена, так как в нем баланс меры тягостности труда и мера удовлетворения потребности должен быть достигнут для каждой потребности в отдельности и никакими усилиями в полевых работах не покроешь нужды в шерстяном одеяле.

Таким образом, я утверждаю, что при всех своих теоретических построениях имею в виду только товарное крестьянское хозяйство, не могу иметь никакого другого и всегда это печатно заявлял. Тем не менее я уверен, что, несмотря на столь определенную категоричность моего заявления, Литошенко и другие будут продолжать и впредь считать, что мы являемся теоретиками и идеологами натурального хозяйства, ибо им полемически выгодно причислить нас к народнически настроенным защитникам отживающих форм хозяйства.

2) Лев Николаевич обвиняет нас, что мы принимаем «бытовой уровень потребления» как некое неподвижное задание, арифметически определяющее размеры крестьянского хозяйства и победоносно опровергает это... нашими же цифрами.

А дело просто в том, что полемически нашим критикам выгодно смешивать в одну кучу все фазы в развитии нашей теории и выхватывать из моих юношеских работ 1911 года то, что мною же при углублении исследования было оставлено к 1915 году.

Действительно, эмпирический материал, бывший в моем распоряжении в 1910 году — воронежские работы Щербины[10] — давали почти при всех группировках, в том числе и при группировке по размерам землепользования, весьма устойчивые ряды одних и тех же почти величин.

При работе над «Очерками трудового хозяйства» это обстоятельство причинило мне немало хлопот, так как теоретически, заметьте это, Лев Николаевич, исходя из принятой мной теории трудопотребительского баланса, было необходимо, чтобы бюджет едока при увеличении отношения едока-работника падал, а при улучшении условий производства — возрастал. Эмпирически это тогда еще не было получено и пришлось согласиться с предложенной В.К. Дмитриевым[11] гипотезой разрыва функции потребления, т[о] е[сть] некоторого постоянного бытового уровня в удовлетворении потребностей.

Впоследствии, при переходе от воронежских бюджетов к более совершенным материалам, это противоречие удалось устранить, что

10. Щербина Федор Андреевич (1849–1936) — один из основоположников бюджетной статистики крестьянского хозяйства в России, здесь имеется в виду его работа «Крестьянские бюджеты» (Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1900).

11. Дмитриев Владимир Карпович (1868–1913) — российский экономист; в примечании к «Очеркам трудового хозяйства» 1912 г. Чаянов выражал ему «глубочайшую благодарность» за помощь в работе.

и приводилось мною в старобельской работе[12], не в противоречие, а в подтверждение теории баланса. Различие же в уровнях благосостояния мною эмпирически было установлено еще в 1913 году, ибо вся вторая часть очерков по теории трудового хозяйства построена на группировках по высоте бюджета.

Литошенко, следовательно, не только ломится в открытую дверь, но проявляет полемическую забывчивость, ибо я доподлинно знаю, что в его библиотеке и библиотеке А.А. Мануйлова оба выпуска очерков по теории трудового хозяйства имеются.

Если же мы и теперь иногда продолжаем говорить о бытовом уровне потребления, то подразумеваем под этим не постоянную норму потребления, а известную систему эластичности потребностей, определяющих собою строение потребительского бюджета крестьянских семей.

К сожалению, несмотря на это, Литошенко и другие еще многие годы будут цитировать мои детские работы и утверждать, что я все вывожу из неподвижных норм бытового уклада, будут утверждать, ибо им выгодно причислить нас к романтикам патриархального строя.

3) Литошенко без всяких даже цитат, просто на честное слово стремится убедить читателя (с. 26), будто Чаянов утверждает, что «продукция работника увеличивается только под давлением увеличения отношения едоки/работники»[13].

Не знаю, какой Чаянов это утверждает, но что касается меня, то анализ трудопотребительского баланса в очерках по теории трудового хозяйства прямо начинается с выяснения влияния высокой оплаты единицы труда на увеличение продукции работника, чему приводятся как эмпирические, так и теоретические основания. Поэтому, если, по словам Литошенко, какой-то неизвестный мне Чаянов и был вынужден признать влияние обоих факторов (семьи и условий производства), то для меня это всегда было логическим следствием теории баланса. Да и вообще говоря, давно пора понять, что группировки по отношению едок/работник вовсе не есть всеобъемлющая суть нашей теории, как думают, очевидно, Литошенко, Мануйлов и другие, а только один из методологических приемов количественного анализа процессов, приводящих к установлению трудопотребительского баланса. И если эта группировка так раз-

12. *Чаянов А.В.* (1915). Опыт разработки бюджетных данных по сто одному хозяйству Старобельского уезда Харьковской губ. Т. 1. М.
13. У Литошенко это утверждение высказано в такой форме: «Если семья определяет размеры хозяйства, и если «продукция» работника увеличивается только под давлением ухудшающегося отношения е : р, то доход крестьянского хозяйства, разделённый на число членов семьи, должен дать более или менее одинаковую величину» (*Литошенко Л.Н.* (1923). Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. С. 26).

дражает наших критиков, я, при их желании, могу изложить всю нашу теорию, ни разу не упоминая даже об этой группировке[14]*.

Достаточно хотя бы бегло ознакомиться с очерками по теории трудового хозяйства, которые Лев Николаевич почему-то избегает цитировать, чтобы не приписывать мне всякой ерунды. Тем не менее я утверждаю, что и впредь Литошенко, Мануйлов и другие будут это делать, так как им выгоднее разносить ими самими созидаемого воображаемого противника, чем оспаривать старые положения Госена–Джевонса, применяемого нами к теоретическому анализу крестьянского хозяйства.

4) Литошенко признает причинную связь между размерами семьи и размерами хозяйства, но полагает, в противоположность нам, что первое всецело определяется вторым, и объявляет тем самым нашего российского крестьянина уже практически мальтузианцем, отклоняющимся от любезной нашему критику цвейкиндерсистемы только в случаях особого успеха своего приобретательства.

Вот поистине величайшая интуиция и, к сожалению, не только Льва Николаевича, но и многих, увы, очень милых, других.

Для того чтобы это обосновать не святой интуицией, а эмпирическими доказательствами, необходимо установить, что в малопосевных группах прирост населения, или что то же — процент детей — ниже, чем в многосеющих.

Вопрос эмпирического факта, не правда ли?

Попробуйте подсчитать.

В имеющей выйти в Берлине нашей книге такие подсчеты есть, и они убеждают нас, что, к сожалению, Бибиковского перевода и маленького сокращенного Солдатенковского издания Мальтуса[15] оказалось недостаточно для распространения его взглядов среди русского крестьянства.

Быть может, Ваша брошюра, дорогой Лев Николаевич, будет счастливее. Впрочем, для Вас это к лучшему, ибо если бы это уже было так, то Вам незачем было бы писать Вашу шестую главу.

5) Однако, самым выдающимся критическим перлом Льва Николаевича является глубокомысленное утверждение (с. 30), что согласно организационно-производственной школе «крестьяне получают только заработную плату и никаких излишков не имеют».

---

14. *Лев Николаевич забывает, что и сама теория баланса выдумана не мною, а является только применением очень старых положений Госена, Джевонса и, если на то пошло, развитием еще более древнего положения царя Соломона, высказанного в его притчах (глава 16, стих 26). [Госсен Герман Генрих (1810–1858), Джевонс Уильям Стенли (1835–1882) — основоположники маржинализма. Упомянутый библейский стих: «Трудящийся трудится для себя, потому что понуждает его к тому рот его».]
15. Чаянов имеет в виду два первых издания «Опыта закона о народонаселении» Т. Мальтуса на русском языке: в переводе П.А. Бибикова 1868 г. и в переводе И.А. Вернера в издательстве К.Т. Солдатенкова 1895 г.

Хотел бы я посмотреть хоть одну цитату из челинцевских, макаровских и своих работ, где бы мы утверждали, что крестьянин получает заработную плату как народнохозяйственную категорию[16]*.

Дорогой Лев Николаевич, Вы, к сожалению, никак не можете выбраться из заколдованного круга душащих Вас терминов капиталистической экономии и стремитесь мыслить в них то, что, вообще говоря, в них немыслимо.

Поверьте, что в крестьянском хозяйстве, в его чистой культуре не только никто не получает заработной платы, но даже в свойственной трудовому хозяйству системе теоретической экономии этой народнохозяйственной категории и быть не может.

Что же касается единого трудового дохода семейного хозяйства, который Вы именуете весьма малоубедительным термином условно чистый доход, — то он может быть выше и ниже заработных плат сосуществующей ему системы капиталистического хозяйства.

Что же касается «избытков», то мне, конечно, неудобно обвинять одного из лучших специалистов по бюджетным исследованиям в незнании бухгалтерии[17], но я все же решаюсь заметить, что «излишки», как разница между бюджетными приходами и расходами, ни уму ни сердцу ничего не говорят. Единственно, что можно из наличности их вывести — это то, что в активе хозяйства в момент заключения счетов имелась некоторая сумма ценностей в денежной наличности или амбарных запасах. Устанавливается только форма актива и больше ничего.

На другой же день она может превратиться в хозяйственную затрату или овечий полушубок, и тогда «избытки» исчезнут.

Для Ваших же собственных интересов советую вам, следуя указаниям любого курса бухгалтерии, сопоставить приходо-расходный баланс со счетом капитала и учитывать «приобретательский результат» хозяйства по сальдо этих счетов, а не по бюджетным остаткам земско-статистических сборников.

Поверьте, что часто хозяйство без «излишков» может в течение года в полтора раза увеличить свои капиталы, а «излишки» при обычной технике бюджетных публикаций получатся просто от того, что крестьянское хозяйство в момент исследования не успело доесть зарезанную им корову.

---

16. *В своих «Старобельских бюджетах» и «Русском льноводстве» [*Чаянов А.В.* (1917). Русское льноводство, льняной рынок и льняная кооперация. М.] я учитываю крестьянские хозяйства методами капиталистической бухгалтерии и оцениваю труд по нормам заработных плат, но и в том и в другом случае оговорена условность этого приема (см. с. 118, стр. 15 сверху; Лен с. 87, стр. 2 снизу).
17. Л.Н. Литошенко возглавлял отдел бюджетной статистики ЦСУ СССР; А.В. Чаянов с 1913 г. преподавал сельскохозяйственную бухгалтерию в Московском сельскохозяйственном институте.

Приводимая Вами таблица влияния «внутрихозяйственной ренты» (?) на «условно чистый доход», или, отбрасывая эти в высшей степени неудачные или почти бессмысленные термины, влияние размеров оборотного капитала крестьянского хозяйства (включая в оный и пресловутые «излишки» и затраты на восстановление основного капитала), на высоту выработки крестьянской семьи весьма интересна. Но знаете, что она обозначает, Лев Николаевич, — увеличение капиталообразующей силы крестьянского хозяйства под влиянием повышения уровня благосостояния. Говоря иначе, и в этом случае зависимость обратна той, которую хотите увидеть Вы.

Как это получается, Вы увидите из моей новой книги, в которой этой проблеме посвящена целая глава о капитале в крестьянском хозяйстве.

Таково содержание и основание пяти крупнейших критических идей Литошенко. Все остальное менее интересно, но выдержано в том же стиле кавалерийского полета на позиции чаще всего воображаемого противника.

Оканчивая этим свою дружескую полемику с Львом Николаевичем, я позволяю себе перейти к анализу опубликованной части рукописи А.А. Мануйлова «Аграрные догмы и утопии», явлению, с моей точки зрения, весьма показательному и серьезному с точки зрения общественно-политического мышления весьма влиятельных кругов нашего общества.

Глубоким несчастьем русской культуры последних десятилетий являлось то обстоятельство, что, несмотря на земледельческий характер нашей родины, все наиболее деятельные деятели и мыслители ее выходили из городских промышленных и финансовых кругов и никогда не могли покинуть свойственную этим кругам точку зрения. Деревня, сельское хозяйство всегда рассматривались ими как некая низшая категория, как материал для базиса, долженствующего служить опорой единственно ценной, единственно подлинной городской культуре и промышленности. Высокая покупательная способность деревни, ее налогоплатежность, да, пожалуй, еще даваемые ею кадры дешевых рабочих рук — вот все, что от нее требовалось. В остальном она игнорировалась как нечто низшее, не дающее возможности развернуться талантливому кондотьеру[18] капитализма.

Конечно, все это нашими городскими кругами осознавалось далеко не столь ясно и цинично, но все же даже в те минуты, когда лучшие из их деятелей и мыслителей обращались к деревне, они органически не могли ее мыслить иначе, как в образах и формах городского мышления и городской экономии.

18. Кондотьер (итал.) — буквально: командир воинов-наемников; здесь в переносном смысле — человек, готовый ради выгоды защищать любое дело.

А.А. Мануйлов	*А.В. Чаянов*
1. Крестьянское хозяйство есть хозяйство потребительского типа, пользующееся для обработки земли трудом своих членов.	1. Крестьянское хозяйство есть хозяйственная деятельность (как в земледелии, так и в промыслах) крестьянской семьи, стремящейся есть не только черный хлеб, но и говядину и весьма склонной к приобретению и граммофона, и золотых часов, и облигаций выигрышного займа, и акций, и прочих прекрасных вещей, но, к сожалению, ввиду того, что оно является трудовым, вынужденным считаться с тягостностью добычи материальных ценностей, необходимых для приобретения перечисленных благ, а потому вынуждено обходиться не только без облигаций выигрышного займа, но подчас и без говядины. Ротшильд, если бы ему довелось, потеряв все свое состояние, оказаться в положении трудового крестьянина, вел бы себя вполне по правилам организационно-производственной школы.
2. Труд в таком хозяйстве не расценивается по обычному уровню заработной платы наемных рабочих и потому не входит в счет издержек производства.	2. Ввиду отсутствия категории заработной платы в системе семейного хозяйства, формы расчета капиталистического хозяйства оказываются для него неприемлемыми, как равно неприменимыми являются в отношении к нему в обычном смысле этого слова термины издержки производства, себестоимость и прочее. (Заметим попутно, что мы имеем все данные полагать, что для России не только крестьянин, устанавливая трудопотребительский баланс своего хозяйства, свободен от учета заработных плат, но сами заработные платы городских рабочих весьма зависят от размеров получаемого в анализируемом году среднего единого трудового дохода крестьянских семей).
3. Так как главная цель такого хозяйства — удовлетворение собственных потребностей, то выгодность его, т[о] е[сть] доходность определяется не чистым доходом, получающимся за вычетом из валового дохода издержек производства, а валовым доходом или количеством произведенных продуктов.	3. Так как целью трудового хозяйства является не получение наивысшего процента на вложенные капиталы в предприятие, а достижение возможно высокого и прочного в то же время благосостояния трудящейся семьи, то исчисление чистой доходности в отношении его не имеет практического смысла, да и вообще говоря, согласно нашему второму положению невозможно.

	Практической же целью крестьянского хозяйства является составление организационного плана своей хозяйственной деятельности из таких наивыгоднейших приложений труда в сельском хозяйстве и промыслах, при которых основной трудопотребительский баланс будет сведен при наибольших из возможных доходах семьи при наименьшем напряжении труда. Наивысший валовой доход и наивысшее количество продуктов нив коем случае не могут почитаться задачами трудового хозяйства, так как они потребуют максимального напряжения трудовых сил. Ищется же не максимум, а оптимум.
4. Так как трудовое хозяйство не считается с уровнем цен на его продукты, а исключительно с собственными потребностями, то в зависимости от увеличения числа своих членов оно повышает свою интенсивность и вместе с тем количество производимых им продуктов, хотя бы и цены последних не окупали издержек производства по методу учета, принятому в капиталистическом хозяйстве.	4. Крестьянское хозяйство, как и всякое товарное хозяйство, в высшей степени считается в построении своего организационного плана с рыночной конъюнктурой каждого данного момента. Однако благодаря тому, что ее задачей является не получение нами высшей чистой прибыли, а сведение трудопотребительского баланса при возможно наивысшем при наличной обстановке уровне благосостояния семьи, в целом ряде случаев, а особенно в случае аграрного перенаселения и вытекающего избытка рабочей силы, для него является выгодным форсировать интенсивность своего земледелия за пределы капиталистического оптимума и ценою понижения оплаты единицы труда, получить повышение годовой выработки хозяйственной семьи в целом.
5. Таким образом, интенсификация трудового хозяйства совершается под непосредственным давлением роста населения, а потому трудоемкость зависит не от уровня рыночных цен на продукты, а от потребности населения найти поприще для приложения своего труда. Отсюда способность трудового хозяйства открывать наиболее широкое поприще для приложения труда, то есть обнаруживать максимальную трудоемкость.	5. Таким образом, действительно, интенсификация крестьянского хозяйства может происходить не только при повышении рыночной конъюнктуры для сельскохозяйственного производства, но и под непосредственным давлением плотности населения, что невозможно в хозяйстве капиталистическом.

Когда же оказалось, что явления деревенской жизни не укладываются на прокрустово ложе формул, экстраполированных из городской экономии и культуры, и дают там нечто в высшей степени нелепое. Эта нелепость вменялась самому явлению, а вовсе не воспринимающему аппарату, от которого она зависела. Самые добросовестные деятели капиталистической индустрии и хозяйства вообще органически не могли просто понять даже того, что дает им наблюдение сельского хозяйства.

Пять тезисов глубокоуважаемого профессора и признанного всеми знатока финансовых вопросов являются наилучшими тому примерами. Взяв на себя труд изложить наше учение, А.А. Мануйлов в высшей степени добросовестно делает это в свойственных ему терминах и понятиях капиталистического хозяйства. Внешне как будто все получается совершенно благополучно, все слова стоят на месте, а в результате получается нечто вроде описания конструкции паровоза с указанием на то, что он ходит по рельсам, крашен в черную краску, питается дровами и сильно свистит. Совершенно отсутствует понимание сущности анализируемого, его определяющего, важнейшего.

Дабы не быть голословным, я постараюсь сопоставить формулирование А.А. Мануйловым пяти пунктов с теми идеями нашего учения, которые, собственно говоря, он хотел ими выразить, совершенно, конечно, не претендуя убедить уважаемого профессора, ибо это мне кажется органически невозможным.

Произведя вышеизложенное сопоставление, мы предоставляем читателю судить, насколько правильно понято А.А. Мануйловым существо нашего учения.

Тем не менее, несмотря на все наши разъяснения, несмотря на 1500 или, вернее, даже на 3000 страниц наших работ, я по многолетнему опыту убедился, что идеологи капиталистической индустрии и впредь и всегда будут стилизовать под вульгарное народничество наши теории и признавать социально не годными не столько даже сами теории наши (их в конце концов и Литошенко признает, и не в них тут дело), а те многие миллионы крестьянских хозяйств, которые существуют сообразно нашим теориям и вопреки проповеди Льва Николаевича еще не перешли к ограничению деторождений, как то им рекомендуют российские неомальтузианцы.

Уважаемые профессора, бросьте попытки заранее обреченной на неудачу критики. Ведь вам нужны не теории, а социально-политические лозунги.

Впрочем, я уже начинаю [уходить] в социально-политическую сторону вопроса, а о сем по разверстке полагается писать не мне, а Н.П. Макарову.

Одного только я не могу упустить. А.А. Мануйлов пугает нас тем, что русское крестьянство постигнет участь китайских кули[19]. Я этого не очень боюсь и имею на то основания. Но мне очень жалко китайских кули, и я бы очень хотел знать, какой рецепт спасения для них имел бы проф[ессор] Мануйлов, будь он не русским, а китайским общественным деятелем.

А. Чаянов
Гейдельберг
22 мая 1923 г.
РГАЭ. Ф. 771. Оп. 3. Д. 550. Авторизованная машинопись.

Agrarian dogmas and fantasies (On A.A. Manuylov and L.N. Litoshenko theory of peasant economy)

A.V. Chayanov

This article of the classic of the Russian agrarian-economic thought and the leader of the organization-production school of the 1920s Alexander Vasilievich Chayanov (1888–1937) was written in 1923 as a response to the book of Lev Nikolaevich Litoshenko criticizing the theory of peasant economy of the organization-production school. The article clarifies some controversial issues of Chayanov's agrarian-economic theory and its interpretations. The article has not been published before and is kept in the Russian State Archive of Economics. This publication aims at introducing the recently discovered text to the scientific community and at stimulating further research on the theory and history of the organization-production school and the history of the economic thought in Russia. The publication with comments was prepared by I.A. Kuznetsov and T.A. Savinova.

Keywords: history of economic thought, organization-production school, peasant studies, A.V. Chayanov, L.N. Litoshenko, A.A. Manuylov

19. Кули — рабочие, батраки, приезжавшие или перевозившиеся из азиатских колониальных владений для работы на европейских или американских предприятиях. Китайские кули — китайские рабочие-мигранты в Америке во второй половине XIX в., фактически жили на положении полурабов-должников тех компаний, которые оплачивали их переезд в страну; так же назывались беднейшие рабочие в самом Китае.